

УДК 340

Криминальный экстремизм: понятие, виды и меры уголовно-правового противодействия

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) Федерального университета

Гумеров И.А.

Кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Казанского института социальных и гуманитарных знаний

В статье определяются понятия и признаки экстремизма и экстремистской деятельности, показывается взаимосвязь и соотношение этих понятий, раскрывается социальная и юридическая природа экстремизма, даётся характеристика различных видов экстремизма и преступлений экстремистской направленности, исследуются меры уголовно-правового и иного противодействия криминальному экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, криминальный экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, терроризм и террористическая деятельность.

*Кто чувствует, что на его стороне право,
должен идти напролом: вежливое право – несуществующая вещь.*

Г. Гроций

«Экстремизм» означает «приверженность крайним взглядам и мерам». Из общего определения этого понятия можно заключить, что оно состоит из двух составных частей (элементов): теоретической или идеологической – «приверженность крайним взглядам», и практической или поведенческой (деятельности) – «приверженность крайним мерам». «Всякое деяние, сколько-нибудь выходящее за пределы обыденного, – по словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, – всегда представляется у нас чем-то злостным, требующим не регулирования, но подавления, и притом всегда сопрягается с представлением о зачинщике» [1].

Однако «крайность» или «предельность, исключительность, чрезмерность» [2, с. 302] «взглядов и мер» можно отнести не только к негативным или «злостным», но и к позитивным, добротворческим взглядам и действиям людей. В.В. Лунеев справед-

ливо считает, что экстремизм «может, в зависимости от ситуации, получить в обществе позитивную или негативную оценку» [3, с. 44]. Героические действия людей с риском для жизни в таких чрезвычайных ситуациях, как вынос раненных с поля боя, защита жертв нападения, спасение утопающих или оказавшихся в охваченном огнем доме, однозначно оцениваются обществом позитивно и рассматриваются как общественно полезные, хотя и экстремальные поступки. Даже организация вооруженного мятежа или участие в нём, а равно в революционном движении народа, может быть признано крайним проявлением социального прогресса. «Грубые проявления прогресса, – писал В. Гюго, – называются революциями. Когда они кончаются, можно заметить, что человечество получило хорошую встряску, но зато подвинулось вперёд» [4].

Позитивная или негативная оценка идеологии и деятельности экстремистов зависит от нравственной природы, степени духовности, благоразумия и направленности их мыслей и поступков в соответствующей ситуации.

Международно-правовые стандарты, признавая права каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем, запрещают «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти; всякое подстрекательство к расовой дискриминации; все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц, другого цвета кожи или этнического происхождения; предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая её финансирование; всякую дискриминацию на основе религии и убеждений» [5-9].

Шанхайская конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2011 г. определяет криминальный экстремизм (экстремистскую деятельность) как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [10].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)», он(она) проявляется в следующих деяниях, предусмотренных УК РФ и КоАП РФ: насильственном изменении основ конституционного строя и нарушении целостности РФ; осуществлении террористической деятельности; публичном оправдании терроризма; возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганде исключительности, превосходства или неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствовании осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушении тайны голосования, соединённых с насилием или угрозой его применения; воспрепятствовании законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединённых с

насилием либо угрозой его применения; совершении преступления по мотивам, указанным в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ; пропаганде и публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики либо сходной с ними атрибутики и символики до степени смешения; публичных призывах к осуществлению указанных деяний либо массовом распространении заведомо экстремистских материалов, изготовлении и хранении в целях массового распространения; публичном заведомо ложном обвинении должностного лица РФ или её субъекта в совершении им в период исполнения должностных обязанностей деяний, указанных в данной статье и являющихся преступлением; организации и подготовке указанных деяний, а также подстрекательстве к их осуществлению; финансировании указанных деяний либо ином содействии в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путём представления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [11].

Анализ этого легального определения экстремизма (экстремистской деятельности) в национальном законодательстве России позволяет сделать следующие выводы:

1) наибольшую общественную опасность представляют те экстремистские акты поведения, которые направлены на причинение вреда основам конституционного строя и нарушение целостности РФ. Они указываются первыми в длинном списке экстремистских правонарушений и криминализованы в УК РФ в качестве отдельных составов уголовно-наказуемой экстремистской деятельности;

2) в систему криминального экстремизма входят также все виды преступлений, направленных на осуществление террористической деятельности и публичное оправдание терроризма как наиболее опасной разновидности экстремизма. Эта подсистема экстремистских преступлений («криминальная террористическая деятельность» и «содействие такой деятельности») отнесена в УК РФ в гл. 24 к группе деяний, посягающих на общественную безопасность (ст.ст. 205, 206, 208 и 211; ст.ст. 205.1-205.5, 220 и 221), а также – на основы конституционного строя и безопасности государства (ст.ст. 277-279), на мир и безопасность человечества (ст. 360) [12];

3) в определённую группу преступлений ФЗ от 25 июля 2002 г. и примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ выделяют преступления экстремистской направленности;

4) в ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. перечисляется ряд самостоятельных экстремистских деяний, содействующих правонарушающей экстремистской деятельности, но конкретных составов (или состава) «содействия экстремистской деятельности», по аналогии с «содействием террористической деятельности» (ст. 205.1), помимо составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 280 и 282 УК РФ, не пред-

усматривает. Полагаем, что это – очевидный пробел в уголовном законе и явное несоответствие ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. статьям УК РФ, предусматривающим криминализованные виды экстремисткой деятельности. Особенно очевидно это применительно к ст. 280 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, но не указывающей на противоправный характер публичного оправдания экстремизма, прежде всего, фашистской («нацистской») идеологии и практической деятельности фашизма;

5) собственно правонарушающая экстремистская деятельность должна быть связана с насилием или угрозой применения насилия, то есть с крайними мерами, направленными на возбуждение враждебности и насилия к определённым категориям людей, не разделяющим идеологию и практическую деятельность экстремистов;

6) путём насилия или угрозы его применения экстремисты наводят страх на массы людей, добиваясь достижения своих политических, идеологических и социальных целей, противоречащих целям основной части общества и международного сообщества, национальной и международной безопасности;

7) данное определение экстремизма (экстремистской деятельности), состоящее из перечня более двух десятков деяний, предусмотренных УК РФ и КоАП РФ либо даже не нашедших непосредственного отражения в этих законодательных актах, не выражает соответствия определению сущности экстремизма и признакам экстремисткой деятельности как некоего общественно опасного и преступного или иного правонарушающего поведения, поэтому не может рассматриваться как базовая дефиниция, пригодная для использования в уголовном праве или в других отраслях российского права.

Для криминального экстремизма характерны следующие признаки:

1. Нетерпимость (ненависть или иное враждебное чувство) к сторонникам иных взглядов и убеждений;

2. Идеологическое обоснование применения насилия или иного способа устрашения к любым людям, группам или объединениям людей различного уровня интеграции, не разделяющим взгляды и убеждения экстремистов;

3. Демонстративное игнорирование общепринятых нравственных правил, норм морали и права, приверженность крайне негативным, даже античеловеческим убеждениям и установкам личности;

4. Публичность распространения идей и взглядов, пропагандирующих среди массы населения исключительность и превосходство лиц, придерживающихся идеологии и практики определённого вида экстремизма, или неполноценность лиц, не разделяющих их взглядов и отличающихся от них по признакам принадлежности к другой расе, национальности, религии, этнической или иной социальной группе;

5. Применение насилия или иных жестоких мер устрашения, направленное на то, чтобы причинить вред не только непосредственному потерпевшему, но и другим людям, которые вызывают у экстремистов ненависть или иное враждебное отношение, и, в конечном счете, направлено на достижение своих политических, идеологических и социальных целей;

6. Любая криминальная экстремистская деятельность имеет своим основным или дополнительным объектом посягательства на национальную (государственную), общественную или международную безопасность.

Законодательное и (или) доктринальное определение негативного, тем более криминального экстремизма будет неполным и недостаточно определённым без учёта этих признаков, которые указываются или угадываются в соответствующих международно-правовых нормах и национальном законодательстве, характеризующее экстремизм и экстремистскую деятельность.

Проявления экстремизма разнообразны. Классификация экстремизма не может быть единственной, окончательной и носить абсолютный характер. Кроме того, экстремизм динамичен и от этого еще более многолик.

Чаще всего выделяют три основных вида негативного экстремизма по признаку тех отношений, в которых он возникает, существует и время от времени обостряется, приобретая особо опасный характер. Это – расовый, национальный и религиозный экстремизм.

Любой из указанных видов экстремизма, а часто их сочетание, могут быть использованы политиками в борьбе за власть в государстве или даже за мировое господство. В таких случаях экстремизм становится политическим, становясь сложным системным образованием, включающим в себя указанные виды экстремизма, которые становятся его составной частью и послушным инструментом в руках нечистоплотных политиков. Это мы наблюдали ранее, например, при развале Советского Союза, и сейчас при текущей «революции» «майданутых» в Украине.

Расовый, национальный и религиозный экстремизм может «вспыхивать» и «разгораться» в обществе в определённых ситуациях стихийно. Но и тогда он опирается на идеологию, обосновывающую и оправдывающую, доказывающую его преимущество для всех, кто разделяет подобное мировоззрение и убеждения. Как правило, эту идеологию «подхватывают» и «приспосабливают» к своим нуждам и средствам борьбы за власть прохвосты-политики. В таких случаях «идеологический экстремизм» одновременно дополняется «политическим экстремизмом». Однако «экстремизм» как совокупность (система) крайне негативной идеологии, морали и практики никак не может быть без идеологии, то есть он всегда является «идеологическим экстре-

мизмом». В противном случае экстремизм был бы неспособен овладеть массами и направлять их на разрушение всего того, что было создано, в том числе на те социальные ценности, которые воспроизводит и стремится сохранить человеческая цивилизация.

Разновидностью «национального экстремизма» является «этнический экстремизм» или «этнонационализм». Ярким проявлением современного «этнонационализма» выступает реанимированная в особо жестокой и непримиримой форме в современной неонацистской Украине «руссофобия», оправдывающая и практикующая геноцид всех русских («москаляку на гиляку!») в этой охваченной гражданской войной стране.

Национальный экстремизм выдает себя за защитника «своего народа», его культурных ценностей, национального языка, экономических интересов и т.д. в ущерб представителям другим национальностей, проживающих на этой территории. Как правило, конечной целью националистов-экстремалов является создание самостоятельного государства, в котором они претендуют на политическую власть.

Нередко «национальный экстремизм» сочетается с «религиозным экстремизмом», порой даже поглощается последним, выходя в этом сочетании на первые роли. Это мы наблюдаем в настоящее время в России и в нашем регионе (РТ), где организуются и действуют такие религиозные экстремистские структуры, как «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами» (партия исламского освобождения), «Таблинг» и некоторые другие.

«Религиозный экстремизм» обосновывает, проповедует, оправдывает и практикует нетерпимость по отношению к инакомыслящим представителям той же или других религий. Он находит свои проявления во всех крупных религиях: исламе, христианстве, индуизме, иудаизме, отчасти в буддизме. Его проповедниками в современных условиях нередко становятся представители религиозных сект, далеко ушедших от традиционно религиозных догматов. Особую опасность сейчас представляет «исламский экстремизм» («Аль-Кайда» – «Братья – мусульмане» в странах Ближнего Востока, «Хизб-ут-Тахрир» во многих регионах мира и др.).

«Исламский экстремизм» обычно действует в тесной связи с национализмом, сепаратизмом и социальным популизмом, играя основную роль как наиболее боеспособная и целенаправленная сила, способная объединить на общей платформе, придать святости авторитетам одной из великих религий несправедливому делу экстремистов.

Выделяется также международный, государственный, политический, идеологический и экономический, а также общеуголовный и другие криминальные виды экстремизма [13].

В законах, регулирующих деятельность политических партий, общественных и религиозных

организаций и объединений, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовном кодексе РФ и других законах России определяются виды, основания и пределы ответственности за негативную экстремистскую деятельность. В зависимости от тяжести противоправного экстремистского деяния устанавливаются гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность. К уголовно-наказуемым деяниям, связанным с экстремизмом, законодатель относит, прежде всего, преступления экономической направленности. Так, в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ говорится, что к таковым относятся «преступления, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особой части настоящего Кодекса и п. "е" ч. 1 ст. 63 настоящего Кодекса».

Полагаем, что лишь преступления, совершенные по мотивам ненависти или иного враждебного чувства к потерпевшему как представителю любой или иной национальности, этнической группе, религии или расы, должны оцениваться законодателем как сравнительно более опасные. На это же, по сути дела, указывают международно-правовые стандарты в области прав человека. В зарубежном уголовном законодательстве также просматривается аналогичная точка зрения.

Например, в п. 6 ст. 221.5 УК Франции предусматривается повышенная ответственность за убийство «в силу принадлежности или непринадлежности, действительной или мнимой, потерпевшего к какой-либо этнической группе, расе, нации или религии» [14].

Человеконенавистническая идеология и субкультура, настроения и взгляды, лишённые какого-либо позитивного смысла и благоразумия, искусственно порождающие непримиримые противоречия в обществе, разделяющие людей по таким нелепым, но якобы важным критериям, как принадлежность их к разным расам, религиям, этническим группам и нациям (национальностям), заслуживают особого осуждения и противодействия. Нередко нечистоплотные и злонамеренные «политики» путём разделения масс по расам, религиям, да по нациям добиваются своих античеловеческих и антинародных политических или иных социально значимых целей. С другой стороны, в несправедливом обществе, где в результате вопиющего социального неравенства объективно существуют антагонистические отношения между бедными и богатыми, между неимущими трудящимися и их богатыми хозяевами, между простым народом и властью, представляющей класс богатых, законодатель стремится признать повышено опасным социальный экстремизм бедной части общества, подавить их объективно возникаю-

щие выступления за равноправие, которые совершаются «по мотивам политической, идеологической ... ненависти или вражды либо ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы» [15, Ст. 4]. «Бедность, беспокойная, мятежная, но по природе своей бескорыстная – писал А. Ламартин, – является наступательной армией революции. Богатство, себялюбивое и инертное, является оборонительной, отстаивающей существующие учреждения» [16]. Противодействия таким настроениям больших масс народа, когда они приводят к экстремистским действиям или оцениваются законодателем как «экстремистские», путем ужесточения мер уголовно-правовой репрессии, применяемых к бунтующей массе эксплуатируемых, в конечном итоге несправедливы и бесперспективны.

Помимо преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст.ст. 105 ч. 2 п. «л», 111 ч. 2 п. «е», 112 ч. 2 п. «е», 115 ч. 2 п. «б», 116 ч. 2 п. «б», 117 ч. 2 п. «з», 119 ч. 2 п. 136, 150 ч. 4, 213 ч. 1 п. «б», 214 ч. 2 и 282 УК РФ (если исходить из того, что возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо социальной группе совершаются по мотивам, указанных п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), законодатель, как отмечалось, предусматривает ответственность и за иные виды криминальной экстремистской деятельности. Это обосновывается «приверженностью к крайним взглядам и мерам». К таковым, прежде всего, следует отнести преступления, посягающие на основы конституционного строя и нарушающие целостность РФ, предусмотренные ст.ст. 278 и 279 УК РФ, все виды криминальной террористической деятельности, включая посягательство на жизнь государственного и общественного деятелей (ст. 277 УК РФ), где насилие, в том числе с применением оружия, является необходимым признаком объективной стороны преступления, а также криминализованные виды содействия такой деятельности. Сюда же примыкают преступления, которые могут рассматриваться как экстремистские, хотя они расположены не в гл. 29 УК РФ, но по своему характеру (ст.ст. 208, 210, 212, 239 и 354 УК РФ) или направленности (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, ст.ст. 141, 142 УК РФ и др.) могут быть отнесены к таковым. К экстремистским следует относить и преступления, представляющие собой своеобразную форму идеологической (ст. 280 УК РФ) или подготовительной практической деятельности к совершению преступлений экстремистской направленности (ст. 282.1 УК РФ) или любой криминальной экстремистской деятельности (ст. 282 УК РФ). В уголовном законе не нашли отражения, как отмечалось, различные формы содействия негативной экстремистской деятельности, о которых говорится в ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г.

Литература:

1. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 томах. Т 14. – М.: Изд-во Художественная литература, 1965-1977. – 12280 с.
2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. – М., 1997. – 763 с.
3. Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. – 2009. – № 9. – С. 44-64.
4. Гюго В. Отверженные. В 2-х т. / Пер. с франц. Т. 2. – М.: Правда, 1979. – 799 с.
5. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета, Социальная защита. – 1995. – № 11. – С. 10.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Российская газета. – 1999. – № 22-23.
7. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. – № 25. – Ст. 219.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55 «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» // [Текст Резолюции официально опубликован не был].
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
10. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
13. Мьельников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 177 с.
14. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В.Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисловие Н.Е. Крыловой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 650 с.
15. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. – 2007. – № 165.
16. Хоромин Н.Я. Энциклопедия мудрости. Сборник мыслей, изречений, афоризмов, парадоксов, эпиграмм. – М.: Изд-во РИПОЛ Классик, 2007. – 310 с.

Criminal Extremism: Notion, Types, Legal Countermeasures

B.V. Sidorov
Kazan (Volga Region) Federal University

I.A. Gumerov
Institute of Social and Humanitarian Knowledge

The paper presents the notions and features of extremism and extremist activities, their connection and interrelation, social and legal nature of extremism. The authors characterize various types of extremism and extremist crimes, and analyze legal and other types of countermeasures against criminal extremism.

Key words: extremism, criminal extremism, extremist activities, extremist crimes, terrorism and terrorist activities.

